

ВЛАД
НОВИКОВ

**СОЛОМЕННАЯ
СОБАЧКА**

С ПЕТЛЕЙ НА ШЕЕ

Влад Новиков

Соломенная собачка с петлей на шее

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40500542

Соломенная собачка с петлей на шее:

ISBN 978-5-00098-166-5

Аннотация

«Мне вспомнился К., для которого чашка кофе была единственным смыслом существования. Однажды, когда я дрожащим от волнения голосом расписывал ему преимущества буддизма, он мне ответил: "Нирвана – пожалуй, но только с чашечкой кофе".

У всех нас есть какая-нибудь мания, мешающая нам безоговорочно принять высшее блаженство», – Эмиль Чоран.

А вы готовы отправиться в путешествие на теневую сторону своей личности вместе с соломенной собачкой? Сможете разглядеть свою чашечку кофе?

Влад Новиков

Соломенная собачка с петлей на шее

Мне вспомнился К., для которого чашка кофе была единственным смыслом существования. Однажды, когда я дрожащим от волнения голосом расписывал ему преимущества буддизма, он мне ответил: «Нирвана – пожалуйста, но только с чашечкой кофе».

*У всех нас есть какая-нибудь мания, мешающая нам безоговорочно принять высшее блаженство.
Эмиль Чоран*

© Новиков В., текст, 2018.

© «Геликон Плюс», макет, 2018.

* * *

Историю рассказывает не «я сегодняшний», «сегодняшнее я» настолько устоялось, что разрешает, насколько это возможно, устранить себя на какое-то время. Наверное, это трудно понять. Как можно в действительности почувствовать себя другим человеком, не тем, кто ты сейчас?! А все-таки можно.

Возвращение в свою старую шкуру – дело болезненное, и

я бы не стал мучить себя попусту, но мне нужно пережить это заново, чтобы пойти дальше. Все остальное – вторично. Дрожь уже подступает, и я почти доволен. В следующую минуту я – надеюсь на это – уже не буду помнить, что мне известно, чем все закончилось.

* * *

Тогда мне нравилось ненавидеть людей и слушать песни Джонни Кэша о любви. Я писал «Оду ненависти» и не мог решить: взять в качестве эпитафии предполагаемую эпитафию Тимона: «Здесь я лежу, разлучась со своею злосчастной душою. Имени вам не узнать. Скорей подыхайте, мерзавцы!» или строчку из песни *She used to love me a lot*. Я любил повторять, что слушать кантри – патриотично. Особенно в современной России.

Я никак не мог закончить свою «Оду ненависти». На работе я запирался в туалете на сорок минут в день и скреб карандашом по бумаге блокнота, но это не давало никаких результатов. Вечером, когда я мог набрать текст на ноутбуке, слова из блокнота обесценивались, становились пустыми оболочками, которые нужно было заново наполнять частью своей отравленной души.

На тот момент я уже порядком попутешествовал и не видел особой разницы, просто не мог представить, что где-то мне действительно может быть хорошо. Ощущал ката-

строфическую неполноту, ущербность существования, просто уже не видел выхода. Мне казалось, что от себя не убежишь, что незачем ехать куда-то, но и оставаться в этом городе я больше не мог. Нужно было прерывать это тягучее течение. Это был шанс на спасение.

* * *

На автовокзале меня никто не встретил, я стоял со своим чемоданом и глупо озирался. Прохожие присматривались: мой красный идиотский чемодан вызывал недоверие, а потрепанная табличка с надписью «г. Северокоцитовск» внушала недоверие мне. От холода у меня слезились глаза.

– Тебе куда, сынок? – просипел забулдыга с седой, торчащей клоками щетиной.

Голос у него был еще тот. Такой не забудешь.

– На завод... на завод имени...

– А! На завод!.. Ну садись, – кивнул он на потрепанные «жигули» какой-то классической модели, – подброшу за триста.

Он закинул мой чемодан в багажник, и мы поехали на завод.

– У нас тут центр мира, – усмехнулся забулдыга; видимо, хотел наладить контакт – выглядел-то он не слишком дружелюбно.

– Ага, – улыбнулся я, как всегда лицемерно.

Он поглядывал на меня довольно часто, так что я мог убедиться, что мне не показалось: глаз у него действительно косил наружу. Странное впечатление, с таким глазом сложно понять, смотрит человек на тебя или на дорогу.

– Ты сам-то откуда будешь? – спросил он.

– Из Петербурга.

– О-о! И как это тебя к нам занесло?

– Да вот, работать приехал.

– Рабо-о-отать? – протянул он с удивлением. – И кем тут работать?

– Ну инженером хотя бы.

Он засмеялся. Это был грубый, злорадный смех. Он не скрывал своей неприязни ко мне.

– А что тут смешного? – спросил я спокойно. – Я приехал работать инженером на завод имени... хм...

– Да нет тут никакого завода. Там склад теперь, его все так, кхе-кхе, – откашлялся он, – так, по привычке называют заводом. Так что успокойся.

– Нет завода? – заволновался я. – Мне вакансию подобрали... в Интернете.

– Где? – воскликнул он удивленно.

– В Интернете, – спокойно повторил я.

– А-а, – он закивал, как будто бы понимая, – вот оно что! Ну раз в тырнете, тогда ясное дело!

Дальше мы ехали молча. Через десять минут водитель остановил у проходной, где полная женщина в ватнике тем-

но-серого цвета, сидя в малюсенькой деревянной будке, словно в большом скворечнике, смотрела на нас, не выражая своим лицом ни единой эмоции. Она даже не моргала.

– Ну, приехали, – сказал водитель, – три сотни, как и договаривались.

– О'кей, – говорю я и протягиваю ему деньги.

– Чего? – не расслышал он.

– Хорошо, – сказал я.

– Да, все по-честному!

Я вышел из машины, стал скрипеть подошвой осенних ботинок по снегу. На обочине тем временем возвышались сугробы.

«Что я здесь вообще делаю? – мелькнула мысль. – Наверное, я до сих пор инфантильный юнец, раз согласился на эту нелепую затею. И ведь даже не проверил информацию...» Да, я действительно был не в себе. Надо было поднакопить денег и уехать в Индонезию или на Филиппины. В конце концов, это было бы разумно... Но я уже тогда смутно чувствовал, что разум меня подводит, что вскоре что-то иное будет вести меня по жизни. И я уже шагал к будке.

– Здравствуйте, – крикнул я женщине.

– Чего там? – ответила она, неожиданно резко распахнув окошко.

– Здравствуйте, я инженер, приехал на работу устраиваться.

– Кто ты? – женщина, недоумевая, нахмурила брови.

– Инженер, из Петербурга. Меня тут ждут. Должны были встретить, но, видно, забыли, – и я неуклюже развел руками и улыбнулся. Хотел выглядеть безобидным недотепой. Так безопасней. Так легче. У меня ведь есть кое-какой опыт в таких делах. Нельзя недооценивать подлость незнакомцев. В жизни я натерпелся, у меня теперь нюх на всякую сволочь. С самого детства я терпел неудачи и наблюдал жестокость. Я был внимателен к таким вещам.

– Не, – ответила женщина.

– Что, простите?

– Не велено, говорю, сегодня никого пускать, кроме заказчиков, – покрутила она головой. – Ты не заказчик?

– Кажется, нет, – развел я руками.

Она захлопнула окошко так же резко, как и открыла, а я посмотрел на своего водителя: он улыбался, был доволен, что оказался прав. Длинная седая щетина на его щеках выглядела сейчас, словно кошачьи вибриссы. Сраный кот Базилио! Он смотрел на меня, как на мышь. Но и у меня имеются зубки... А пока что я затаюсь.

– Ну что? – кивнул он. – Куда теперь поедем? Могу тебя еще куда-нибудь отвезти, если хочешь. Ну! На лесопилку поедешь?! – рассмеялся он своими гниловатыми передними зубами.

И тут я задумался. Что мне делать? Я приехал... Конечно, конечно, были у меня мысли... Но мне бы подзаработать чуть-чуть. Все-таки рановато я сорвался. Рановато. А вооб-

ще, конечно, стыдно признаться, при всей своей нелюбви к родине я все-таки хранил деньги в рублях. Ах, последняя капля надежды высохла во мне. Возможно, в душе я большой патриот, и оттого тошнит меня от России сегодняшней. Настолько тошнит, что я даже никому не рассказываю о своем отвращении. И на этом закончим.

– Послушайте, а кем тут вообще люди работают? – спросил я водителя.

– Кем? – пожал он плечами. – Да не знаю я кем. Как завод закрыли, так и некем особенно-то... Вон, эта, – показал он рукой в сторону женщины, которая так же бездумно смотрела на нас своими большими синими глазами, – эта вот хорошо устроилась, в будке сидит. Сука! А я... а я дерево пилил на лесопилке, пока не уволил... пока сам не уволился... А теперь... Ну это, временно... стою на вокзале, чтобы таких, как ты, по городу катать. Хрь-тьфу, – плюнул он в снег и вытер губы толстой варежкой.

– А есть тут приличная гостиница? – продолжал я.

– Что значит – приличная? Молодой человек, – заговорил он серьезным, назидательным тоном, – тут есть гостиница, только там, понимаешь, клопы водятся. И две тысячи за ночь стоит. И клопы! Понимаешь?

– Клопы? – повторил я за ним.

– Естественно. Там же никто, считай, не живет! Хрь-тьфу, – повторил он плевком, – будут они ради тебя одного клопов морить, как же! Знаешь, каково это, клопов-то мо-

ритель? Ты когда-нибудь морил клопов? А? Морил? – наступал он. – Они бегут из одной комнаты в другую, – стал он размахивать руками, изображая, как бегают клопы, – это надо все помещения сразу обрабатывать. Тут тебе не это. Понял? Клопы там. Всё. Молодежь, ептить.

– А если там никто не живет, зачем целую гостиницу держат? – надавил я на него.

– Кто сказал, что целую? Я не говорил, – покрутил он головой, – я тебе по-честному сказал. Там только первый этаж... шесть комнат. А наверху эта, как ее... дискотека, в общем... А, вот... ночной клуб! – усмехнулся водитель. Из рта у него пахло даже на морозе.

– Понятно, – ответил я.

Все складывалось не так уж удачно. Мне нужно было сменить обстановку, чтобы успокоить нервы. Главное – тихая жизнь: без суеты, без склок и скандалов внешнего мира. И что же? Бармен предлагает поехать в его родной город, устроиться на завод, где ничего и делать не надо. Работы, мол, совсем не много, платят, разумеется, крайне мало, но и тратить тут особо не на что. И какие места в округе! Лес, берег моря... Люди спокойные, никто никуда не торопится. Жильем обеспечат. Благодать, одним словом. Райский сад! Ривьера! Лазурный берег севера! Лечи свои нервы – не хочу! И так далее. И еще миллион восклицательных знаков.

И что же в итоге получается? Куда мне теперь деваться? Ехать обратно в этот мрачный болезненный Петербург, к то-

му, от чего у меня руки трясутся и глаз дергается? Нет! Раз уж приехал, Герман, так будь добр попробовать. Будь, Герман, добр. Не потакай своему большому малодушию. Нельзя отступать, еще ничего не сделав. Ты не такой уж и трус в душе, есть в тебе известная доля дерзости. Вот и дерзай, Герман. Пусть жребий будет брошен!

– А вы Михаила Гермясова, случаем, не знаете? – спрашиваю я.

– Мишку-то? Мудака этого? Да как не знать, его весь город знает... сучий отрок. Этакий... – самодовольно усмехнулся водитель, – за дочкой волочился, но я его раз доской по спине, так он больше не лез. Ловкач! Ворюга! Со мной не пройдут такие фокусы! Говорят, он в Москву укатил. Плут!

– А другой гостиницы здесь нет? Без клопов чтобы, – гнул я свое.

– Нет, – покрутил он головой.

– Насчет клопов – это вы серьезно?

– Куда уж серьезней, сынок? Постой, а ты откуда Мишку-то знаешь?

– Ах, это... Он барменом работает в одном заведении в Петербурге... Я там раньше бывал.

– И как он, хорошо устроился?

– Не знаю, нормально, – пожал я плечами.

– Хороший парень, – сказал водитель, а я от холода даже не удивился его словам. Ноги у меня были в осенних ботинках на тонкой подошве, и я промерз до костей. Ненавижу хо-

лод.

– Могу сдать комнату, – говорит мне водитель, – если на месяц останешься.

– А если на неделю? – спросил я.

– Можешь и на неделю, дело твое... но оплатишь за месяц.

– И сколько? – спрашиваю я осторожно.

– Пять тысяч за первый месяц, остальные – по четыре. Но это без еды. А если будешь с нами питаться, то еще четыре сверху. Жена готовит хорошо, лучшая повариха в городе, точно тебе говорю! Люди лучше тебя останавливались у нас и были довольны.

Меня покорило такое заявление, но я вечно слишком вежлив, чтобы отвечать. Это моя большая проблема – излишняя вежливость со всякой сволочью.

– Ладно, – согласился я, – надо посмотреть комнату.

– А чего там смотреть? Комната как комната. Телевизор есть. Цветной! Есть кровать, стол, стул. Там тепло и нет клопов. Что еще человеку нужно?!

– Как будто бы и нечего больше желать, – ответил я.

– Вот именно, садись, поедem, а то в таких башмаках ты себе ноги на хрен отморозишь. Дома я тебе валенки выдам. Бесплатно!

И мы поехали... Водитель курил, не открывая окон, а я вдыхал дым и думал: а зачем, собственно, я бросил курить?..

– У вас не будет сигаретки? – спрашиваю я, как всегда осторожно.

Дом мне сразу не понравился. Доски, крашенные коричневой краской лет, наверное, тридцать назад, расходились так, что, казалось, по наружной стене идут волны. В просторных сенях – так это называется в подобных домах? – лежал инструмент, старые советские лыжи, санки, какие-то тряпки, а в углу стояла металлическая бочка с водой. Живи я тут с рождения, я бы, наверное, в этой бочке и утопился бы. Кроме шуток, утопился бы. У меня в этом сомнений нет. Во мне сильны суицидальные наклонности.

– Таня, я жильца привел, – сипло крикнул водитель в дверь, ведущую в жилую часть дома.

– Чего? – послышался женский голос.

– Хрр-мр, кхе-кхе, – прочистил он прокуренную глотку, – жильца, говорю, привел, – крикнул водитель и стал расстегивать пуговицы своего ватника.

– А-а! – воскликнула женщина с улыбкой, в которой бросался в глаза серебряный зуб. – Здравствуйте, здравствуйте! Меня зовут Татьяна, но можете звать меня тетей Таней. А как вас зовут?

Я с улыбкой кивал в знак приветствия, но поздороваться почему-то не смог. Этот дом сковывал меня. Гнетущая в нем была атмосфера.

– Меня зовут Герман, – выплюнул я слова.

– Хорошо, хорошо, Герман, проходите, сейчас будем пить чай.

– А можно я посмотрю комнату?

Глубоко внутри я надеялся, что комната окажется ужасной и мне придется уехать. Мне не хотелось оставаться в этом доме, было какое-то предчувствие: казалось, что, если я останусь, это изменит ход моей жизни... не в ту сторону... Но вот я стою в гостиной, я спрашиваю:

– А можно я посмотрю комнату?

– Конечно, конечно, проходите, – ответила женщина.

– Да чего там смотреть, – пожал плечами водитель.

– Глеб, прекрати, человек должен увидеть, где будет жить.

А вы, кстати, надолго к нам?

– Пока на неделю, а может быть, и дольше останусь, – ответил я, не задумываясь.

– Но платит как за месяц, – подмигнул жене водитель Глеб.

– Правда? – спросила она.

– Ну да, – не нашелся я, что еще ответить.

– Нет, – ответила она, – это нехорошо. Если вы останетесь на неделю, то заплатите как за неделю. Договорились?

Я кивнул, и мы пошли смотреть комнату. Все оказалось, как он, водитель, и говорил: небольшая квадратная комната, обои в цветочек, высокая кровать на пружинах, маленький стол на одного человека, жесткий стул со спинкой, деревянная книжная полка, прибитая к стене, и кот. Вернее, кошка.

– Кыш, кыш, – прогнала кошку Татьяна.

– Да ничего, – сказал я, – пусть заходит в гости, я люблю кошек. Правда, у меня, кажется, в детстве на них была аллергия.

– Вот, больного в дом привел, – буркнул водитель.

– Но у меня, – начал я нелепо оправдываться, – кажется, уже нет аллергии. Да и не большая она была, всего лишь насморк. От здешних холодов у меня и так будет насморк.

Мы сели за большой обеденный стол в гостиной, которая была вместе с тем и кухней, и столовой, и стали не то обедать, не то ужинать вареной картошкой с жареной курицей. На стене шумно тикали старинные часы; их язычок, качаясь маятником, гипнотизировал меня. Я не мог от него оторваться... Это болезненное ощущение пространства, ощущение себя, своего тела в нем, вызывало внутреннюю истерику. Неосознанно я доводил себя до изнеможения. Я топил себя, стараясь достать до дна, чтобы от него оттолкнуться.

Солнце закатилось в начале восьмого, и как-то уж очень быстро наступала здесь ночь. Фонарные столбы возле дороги, ведущей к дому, так и не зажглись. Лишь вдалеке горел один. Там, я так понял, живет участковый. А здесь – совсем окраина. Это место уже и городом-то не считают. И асфальтированную дорогу так и не сделали.

В сенях глухо хлопнула уличная дверь, и полминуты спустя в комнату вошла молодая девушка в растянутом вязаном свитере и потертых синих джинсах. Не то стильная небреж-

ность, не то просто небрежность. Тогда я не смог определить. Девушка с удивлением взглянула на меня и, ни с кем не поприветзовавшись, ушла к себе в комнату. А через пару минут мы пили чай уже вчетвером.

– И чем вы собираетесь заниматься у нас в городе? – спросила Татьяна.

– Я собирался работать инженером на заводе.

– Заводу требуются инженеры? – спросила она с удивлением.

– Его Гермясов одурачил... как щегла! Сказал, что нашел ему место на заводе, вот он сюда и приехал, – рассмеялся, закричал своим уродливым смехом тот, кого мне, по-видимому, придется как-то звать. Глебом? Или все-таки дядей Глебом? Все это глупо звучит применительно к этой подозрительной личности. Хотя, вероятно, в его глазах подозрителен был я.

– Неужели? Гермясов? – удивилась Татьяна, а у Лизы – так звали их дочку – расширились глаза, когда ее отец упомянул о Гермясове.

Глаза ее расширились на одно мгновение, но достаточно сильно – я не мог этого не заметить.

– Да, глупая шутка. Я ведь с работы ушел. Да еще и со скандалом...

– Гермясов всегда был подлецом! – сказала Татьяна, пережевывая курицу.

– Но какое чувство юмора! – засмеялся Глеб. – Каков под-

лец!.. Но – плохо кончит.

– Плохо, плохо, по стопам отца пойдет, – подтвердила Татьяна, а Лиза теперь все время смотрела в сторону, и мне стало интересно, какого цвета у нее глаза. Я сразу как-то не обратил внимания.

Глаза оказались самыми обыкновенными, то есть светло-кариими. Лицо у Лизы было бледное и очень ровного цвета, а ее светло-русое каре, с темными корнями, очень ей шло. Такой образ красоти-подростка из девяностых. Словом, неблагополучная красота. Красота неудач и поражений. То, что мне очень близко. Может быть, даже красота саморазрушения.

В общем, мне понравилась ее внешность, и в голове тут же возникла картина, как у нас завязывается роман и тому подобное, но все это показалось мне до боли нелепым. Настолько это было логично и естественно, что я начинал нервничать. А нервничать мне бы не стоило. Думаю, это из-за стресса у меня все чаще случаются сомнамбулизм и ночные галлюцинации. От этого такой сердечный ритм, что можно однажды и не пережить ночь.

Тем временем я (уже тот, «старый я», который потихоньку оживает во мне) выпиваю чаю, не оглядываясь, но чувствуя за своей спиной дыхание «другого я» (который в самоуверенности позволил себя устранить, но теперь боится, что ему не суждено будет вернуться), и решаю закончить главу, пока события того дня видятся мне достаточно ясно.

Иногда воспоминания исчезают из моей головы, словно их кто-то извлек, а взамен возникают вкрапления пустоты. Они представляются явственно, буквально как черные пятна перед глазами во время обморока.

Итак, наберемся мужества. Конечно, мне хочется о многом рассказать на этих страницах, есть искушение выплеснуть все разом, расплакаться и насладиться мимолетным освобождением от боли, очищением, но это уже не помогает, и мне хочется чего-то большего. Хочется распутать клубок. Я долго копил силы (хоть и не понимал этого), чтобы приступить к рассказу, и вот я накручиваю себя, возвращаясь к воспоминаниям, и вхожу в состояние того вечера, возвращаясь к измышлениям, которые, в сущности, поверхностны и местами наивны (хоть я и считаю их верными до сих пор; верными для «старого я»). А теперь я возвращаюсь в тот дом...

Глеб включил телевизор и стал злобно бубнить что-то про Украину и педерастов из Европы и США, про эмигрантов с востока и внешнюю угрозу нашей нравственности. Признавался в любви к Сталину и в ненависти к демократии... Что до меня, то я старался уяснить, как работает мозг у этого человека. Что заставляет его, никогда не выезжавшего из страны, ненавидеть людей, которых он в жизни не встречал и, вероятно, никогда не встретит? Людей, которые никоим образом не влияют на его жизнь. Что заставляет его верить, что эти люди ему мешают? Его горячая ненависть подкрепляла мою холодную ненависть как нельзя лучше: я чувство-

вал, что тяжелею, что тело становилось неподвижным. Я каменел.

А вообще я давно заметил, что русскому человеку не обязательно, чтобы у него туалет был теплый и чистый, и чтобы еда была хорошего качества, и чтобы сосед не желал ему мучительной или скоропостижной смерти, главное – иметь врага. Остальное – второстепенно. Без теплого туалет русский человек прожить как-нибудь сможет, а без врага – никогда. Помрет со скуки. Чем еще себя развлекать? Это дух палачества. Палач для соседа и для друга. А иногда и для своей же семьи. Наверное, это и есть наша национальная идея, которую так трудно выразить. Гильотину должны были изобрести в России. Сталинские репрессии, если присмотреться, никогда не заканчивались, они у нас в крови. Это дух братоубийства! Физического, морального – не важно. Главное – заставить человека страдать и не останавливаться, чтобы не думать, не быть честным с самим собой. Главное – идти вперед и не оглядываться, не признавать ошибок. Даже у солдат расстройства психики выявляются по большей части не на войне, а когда они уже дома, в безопасности. Мы это интуитивно чувствуем, война не должна заканчиваться! Война каждый день! В магазине, в автобусе, на работе... Всегда на фронте (и заметьте, имеем право на сто граммов фронтовых). Всегда герои и патриоты! А на войне как на войне, и точка.

Ну а далее мы закончили ранний ужин и я пошел в свою

комнату. Распаковал чемодан, уложил вещи в шкаф и решил включить ноутбук. Когда, включив его, я понял, что Wi-Fi здесь нет, то мне почему-то стало хорошо на душе, как будто я сумел убежать от мира и нашел укромный уголок, где меня никто не сможет достать. И даже неизвестность впереди не пугала меня. Мне было приятно лежать на толстом матрасе, который, как желе, подпрыгивал на пружинах кровати, когда я ворочался с бока на бок. Я чувствовал, что меня ожидает что-то интересное. Новый этап моей жизни... А ведь сегодня мне исполнилось тридцать.

* * *

Ночью, как и всегда, мне не спалось, хоть и очень хотелось. В полудреме я видел разные образы. Цветочки на обоях в свете луны превращались в птиц и лягушек. Экзотические насекомые медленно спускались с потолка, словно на невидимых нитях, искрились в воздухе. Кружка с водой, стоявшая на столике у кровати, начинала исчезать, когда я смотрел на нее дольше двух секунд. Она исчезала постепенно: вначале наполовину, плавно становясь прозрачной, а затем уже полностью. В какой-то момент кружке надоело исчезать, и теперь она превращалась в мышь, танцующую на задних лапках что-то вроде стриптиза. Только снимать ей было нечего.

Что ж, настал период приятных галлюцинаций. К нему я

привык с детства, и он давно меня не пугает. Это уже самое обыкновенное развлечение, ведь всегда, если надоест, можно закрыть глаза, и все закончится. К сожалению, бывают и другие периоды... Благо я скептик по натуре, ведь если бы я верил в потустороннее, то уже, наверное, давно бы окончательно свихнулся от страха.

В эту ночь все было почти спокойно: я не чувствовал, что смерть бродит рядом, не ощущал небытие, которое всегда застаёт врасплох. С двух до трех оно тут как тут, стоит только о нем позабыть. А потом является один из моих мертвецов... обычно двоюродный брат. От него даже спазмы в животе начинаются. Он настолько живой, что я боюсь к нему прикоснуться. А что если... и так далее. Но сегодня я помнил о небытии, держал его в своем сознании, и оно не могло меня мучить.

Я решил выйти и прогуляться, как делал это дома. Одевшись и тихонько проскользнув в сени – я не хотел, чтобы хозяева заметили меня и в чем-то заподозрили, – я стал напяливать свои ботинки. Уже у самых дверей я почувствовал, что нестерпимо хочу закурить. Слюна стала вязкой, губы начинали дрожать от предвкушения. И я понял, что у меня не хватит воли отказать себе в этом...

Вернувшись в гостиную, я в свете луны – а светила она ярко, зловеще ярко – разглядел на краю обеденного стола пачку «Примы» и дешевую прозрачную зажигалку. Вытянув две сигареты из пачки, я замер на мгновение в раздумье, а

полминуты спустя уже стоял на крыльце и наслаждался лунной и каждой затяжкой. Говорят, на луне живет Каин.

Холод был бы нестерпим, если бы не дрожь, пробегающая по телу от сигареты. И я стал наслаждаться морозом, хоть всегда и ненавидел зиму.

В окне сарайчика, что метрах в тридцати от дома, я увидел тусклый мерцающий свет. Я закурил вторую сигарету и стал тихонько – стараясь не слишком скрипеть подошвой по снегу – пробираться к этому сарайчику. Дрожь от сигареты сливалась с дрожью от холода, и вместе они перемешивались с предчувствием чего-то необычного. Это был настоящий коктейль родственных ощущений. Мне было хорошо.

Подойдя ближе, я услышал, что внутри кто-то есть. Скрипнула половица, что-то тяжелое передвинули сразу за дверь.

– Привет! – воскликнул я приглушенным голосом.

В ответ я ничего не услышал, звуки прекратились, и я повторил:

– Привет! Мне не спится, я вышел выкурить сигарету. У вас все в порядке? Глеб, это вы?

И снова никто не ответил.

– Я зайду, вы не против?

Но в этот момент дверь распахнулась и ударила меня прямо в лоб. Я упал и успел только услышать, как кто-то очень быстро удаляется по снегу. Когда я встал и ощупал свое лицо – крови как будто бы не было, – моего обидчика как не

бывало. Я стал искать сигарету, которая черт знает куда улетела, когда я падал в снег — падал нелепо, как падали люди в немом кино. Сигарету я не нашел и жутко раздраженный решил зайти в сарай и посмотреть, что там вообще творится. Может, это был вор, а я его спугнул. Если так — мне повезло, что у него не было оружия. Ведь каким простаком надо быть, чтобы вот так погибнуть. Нет-нет, это все вполне в моем стиле. Этого-то и стоит остерегаться — своей неуклюжести.

В сарае горела свеча, по стенам были выставлены всякие лопаты, грабли, тяпки... Был грязный стол с рассыпанными на нем гвоздями и шурупами, тяжелая деревянная табуретка примерно посередине сарая. Под потолком болталась петля... Черт! Да я же только что помешал кому-то свести счеты с жизнью! Я усмехнулся: не зря я сегодня держал смерть в уме. С минуту посмотрев на петлю, я решил вернуться в дом и попытаться уснуть.

* * *

Утром мы завтракали омлетом с жареным луком, оладьями и бутербродами с колбасой. Я пил кофе и курил «Приму» без фильтра: на этот раз я честно попросил сигаретку. Всего одна ночь, и я посмотрел на этих людей другими глазами. Еще вчера, если начистоту, я думал, что уже послезавтра буду в Петербурге. А теперь мне было хорошо и спокойно в этой светлой гостинной. Глеб курил и читал газету, Татьяна

смотрела телевизор, и только Лиза не собиралась вставать в субботу пораньше.

– Иди... разбуди ее, потом целый день будет как сонная муха, – сказал Глеб, глядя на жену поверх очков.

Он производил впечатление обыкновенного работяги. Грубоватый, но в сущности не самый плохой человек. Не хуже других вроде бы.

– Пусть поспит, выходной ведь у нее, – сказала Татьяна.

– Как знаешь, и так из нее слова не вытянешь, – посмотрел он на меня... зачем-то...

– Нездорова она, доведет себя этим вегетарианством. Ей бы на море...

– Она сама шляется, где попало. Как ее только из страны выпускают?! Подцепит в этой грязи, да и нас заразит! – рявкнул Глеб.

– Да нет, нет, ей бы на настоящее море, на Черное море, – посмотрела на меня Татьяна.

– А у нас что, не море? – злобно просипел Глеб.

– Да ты же понимаешь, о чем я.

– Да-а? А где ты денег возьмешь? – надрывался он. – Может, мне их украсть? А?

– Ну хорошо, хорошо, – затихла Татьяна, – я сама все понимаю. Так, может, и скопим немного.

Глеб не ответил.

Скоро к завтраку присоединилась и Лиза. Она была так же молчалива, как и вчера. И тут я вспомнил про сарай. На-

верняка это была она.

– Откуда у тебя шишка на лбу? – спросил Глеб.

– С кровати упал, – ответил я и посмотрел на Лизу. Ее глаза, как и вчера, расширились на одно лишь мгновение, но я уже все понял. Это была она, тут и гадать нечего.

– Бывает же, – покачал он головой и снова уткнулся в газету.

На дворе была суббота, и мне не хотелось волноваться о работе. Я решил, что, раз деньги у меня кое-какие имеются, можно пока и повременить. Сейчас мне было интересно подумать о Лизе. Что привело ее ночью в сарай, что заставило решиться на этот шаг? Я не испытывал к ней жалости, мне лишь хотелось изучить ее как можно лучше. Я чувствовал себя хирургом, хотел докопаться до истины, до глубины. Не знаю, может, сочувствия во мне не нашлось оттого, что я и сам много раз думал о суициде, не ощущая при этом большого трагизма. Думал абстрактно, без четкого плана действий. Всегда сомневался в способе. Когда становилось совсем плохо, я проверял себя: «Ну, Герман, скажи, пожалуйста, что тебя больше пугает: холод небытия или трепещущий огонек жизнь?» И всякий раз небытие оказывалось страшнее. А иными ночами я испытывал что-то вроде посмертного опыта, то есть находился в мире, где нет меня больше. Влетал (из ниоткуда) в пространство комнаты, где находилось мое тело в состоянии полусна, чувствовал, что меня как бы и нет здесь, что тело мое мертво, чувствовал мир без меня, чув-

ствовал страх и обиду, а затем исчезал, словно что-то меня высасывало из комнаты в никуда. И в этот момент, момент окончательного исчезновения и одновременно возвращения в тело, я испытывал физическую боль, ужас, сильнейшее головокружение. От этого я кричал так, что, когда замолкал, слышал, как этажом выше просыпались и недовольно ворчали соседи. В общем, я не чувствовал, что Лизе хуже, чем мне. С чего же мне ей сочувствовать?!

После завтрака все разошлись по комнатам, а я пошел в магазин за сигаретами. Глеб объяснил, как дойти. В общем, тут особо не заблудишься, городок не слишком разросся. Десятка три пятиэтажек, ближе к центру – это уже местные небоскребы. В основном тут сплошь деревяшки. Настоящая деревня! Даром что город.

Покуривая на морозе возле магазина, я незаметно, то есть искоса, поглядывал на компанию девчонок. Они пили коньяк из пластиковых стаканчиков и громко смеялись. Одна, вызывающе накрашенная, внимательно изучала меня, а я, как человек дальновидный и недоверчивый, делал вид, что не замечаю этого. У нее тут наверняка десятка два ухажеров, которые не преминут огреть меня мотыгой по спине или еще чем по голове. «Вот!» – ощупал я свою голову. У меня и так шишка на лбу, а ведь я здесь всего сутки. Знаю я эти провинциальные штучки, они так развлекаются, в таких городках молодым людям просто нечем заняться, некуда деть весь свой скотский задор. В детстве я бывал в Ленобласти,

в деревне у приятеля, вот и посмотрелся всякого. Заточенная солдатская пряжка и как следствие – кровь из башки... ручейками... Шутка ли? С моим воображением – совсем не веселая шутка.

Нет, кажется, меня здесь ждут одни только неприятности, а не тихая и спокойная жизнь. Как мне вообще пришло в голову, что в маленьком российском городке бывает спокойная жизнь?!

Так, размышляя, топал я к дому и около калитки встретил Лизу.

– Привет, – кивнул я ей добродушно, старательно добродушно.

– Привет, – холодно ответила она и тут же ушла в дом.

* * *

– Это даже не табак, небось, – говорит Глеб, затягиваясь сигаретой из моей пачки.

– Они просто легкие.

– Не-ет, – посмотрел он на сигарету, – невозможно это говно курить, – он оторвал фильтр и снова затянулся. – Вот теперь можно.

Я гладил кошку, которая забралась ко мне на колени и тихо мурчала. Было уютно, как-то по-семейному, что ли. У меня такого никогда не было.

– Че делать будешь? – спросил Глеб, который, кстати, ока-

зался как будто бы и не забулдыгой. Лицо у него такое, изможденное, что ли, не знаю, вот и выглядит конченным пьяницей. И еще: его косой глаз... он в самом деле вводит в заблуждение. Глеб словно бы не сводит с меня этот свой проклятый глаз.

– Что буду делать? – переспросил я. – В смысле работы?

– Да. Работать-то ты собираешься? А? – спросил он требовательно, точно отец.

– Не знаю, – ответил я твердым голосом, чтобы он, обнаглевший хам, не зарывался, – деньги у меня пока есть. Да и кем тут работать, вы же сами говорили.

– Эх, да. Не разгуляешься... Ну ты давай, рассказывай, – кивнул он, – зачем сюда приехал? Что тебе этот завод? Разве в Питере мало платят?

Он разговаривал таким тоном... ну точно как эти дяди из первого отдела, с моей старой работы. Клещами в тебя лезут, а ты лишь чувствуешь усталость.

– Не в этом дело, – ответил я.

– А в чем? – наступал он и поганил мне настроение.

– Не хочу рассказывать.

– Натворил чего в Питере?

– Да нет... – замялся я. – Просто захотелось сменить обстановку.

– Обстановку он захотел... – буркнул Глеб. – Поехал бы в Москву. Чем плохо?

– Ничем не плохо. Я просто хотел отдохнуть от города. Ну

хотя бы какое-то время. У вас тут спокойно, тихо, места красивые, лес, берег моря недалеко, – оправдывался я по старой глупой привычке.

– Снег один, – снова буркнул он и отхлебнул чаю.

– Ничего, все равно должно быть красиво, – несу я какую-то чушь. Боже! Но это не важно, все ничего, лишь бы от него отделаться. Он начинает дергать струны моей души, играть на них, как на какой-нибудь балалайке.

Глеб наконец замолчал, а я, немного придя в себя, стал думать о Лизе. Что с ней? Такое стечение обстоятельств, как я, существующий в этом холодном, безразличном ко всем нам мире, не дало ей покончить со своим страданием? Это меня удивляет. Это странно для меня. И будет еще страннее, если она снова не попытается, фигурально выражаясь, взять расчет.

Я встал из-за стола и пошел в сарай. Хотел посмотреть на веревку, которая там, разумеется, уже не висела. Тогда я вернулся за стол, где, к моей радости, Глеба уже не было. Старый сукин сын ушел ковыряться в своей развалюхе. Пусть лучше в ней ковырется, чем в моей душе. Может, хоть пальцы себе отморозит.

Затем пришла Лиза. Она молча села напротив меня и налила себе уже холодный кофе из моего личного кофейника, привезенного из Петербурга. Она глубоко вздохнула, убрала свои крашенные локоны за уши и стала приглядываться ко мне. Шурилась зачем-то... Один глаз прищуривался боль-

ше, чем другой. Что-то в этом было. Ах, но что? Не могу подобрать слово. Что-то потустороннее?.. Да ну, глупое слово. И почему оно пришло мне на ум? В общем, красиво она щурилась и притягательно. И я, несмотря на всю свою внутреннюю дерзость и внешнюю скромность – а может, именно от этого неестественного, невротического сочетания, – несколько засмутился.

«Хорошо, – подумалось мне, – хорошо, что я никогда не краснею. Не так уж и плохо быть мной, тощим сутулым брюнетом, который не умеет краснеть. У каждого человека свои достоинства. Я вот не краснею, а некоторые и этого не могут. Встречал я таких людей. Что тут сказать, жалкое зрелище».

– Я хочу с тобой поговорить, – сказала Лиза своим тихим приятным голосом.

– Да? Конечно, о чем ты хочешь поговорить?

В соседней комнате Татьяна гладила белье и напевала что-то деревенское, народное.

– Давай лучше прогуляемся? – предложила Лиза.

– Там холодно... – на мгновение я задумался. – Ну хорошо, давай.

Мы вышли на улицу и пошли в сторону центра. А через несколько минут я не выдержал:

– Слушай, о чем ты хотела поговорить?

Она ответила не сразу.

– О вчерашнем...

– Хм... не припомню, что было вчера, – ляпнул я.

– Ты все помнишь, – сказала она очень ровным, спокойным тоном, – строишь из себя простака.

– Ладно, извини, я просто старался быть тактичным... вежливым. Вежливость – это моя большая проблема. Разве я не говорил? – пытался я применить свое секретное оружие, то есть ущербное чувство юмора.

– Просто пообещай, что никому не расскажешь о том, что видел. У меня могут быть неприятности.

– Не в моих правилах, знаешь... Но... может, ты сама хочешь об этом поговорить?

– О чем? – устало вздохнув, спросила она.

Подобный тон заставляет почувствовать себя идиотом. Но я продолжил:

– Ну, в смысле, что на тебя нашло вчера ночью? Ты бы это... в самом деле? Ну, того... или как? – не нашел я подходящих слов.

– Думаешь, я стану делиться этим с первым встречным? – она испытующе, но без злобы смотрела на меня.

– Не знаю... Я просто подумал – может, тебе не с кем поговорить. Ты подумай, я уеду, и ты никогда меня не увидишь. Это, если вдуматься, все-таки неплохая гарантия.

Она ничего не ответила, мы подходили к центру города. Людей на улице стало больше. Они были в меховых шапках, дубленках, дутиках, пальто – в общем, как и везде. Только меха чуть больше, а лица чуть мрачнее. И валенки встречаются время от времени. Я-то свои – особо уродские и на три

размера больше, чем следует, — я свои не надел.

Кажется, разговор был окончен, но мне-то хотелось продолжения. И я спросил в надежде:

— Тут есть какой-нибудь бар?

— Тут есть кафе.

— Недалеко?

— За тем домом, — показала она на грязно-желтую пятиэтажку.

Кафе называлось «Серебряная ложечка». Посетителей там почти не было. Так, несколько человек за дальним столиком да одна официантка. Кафе — что-то вроде опрятной столовой, но в меню имелись напитки. То есть, я хотел сказать, там как будто был неплохой выбор выпивки. Ну, я взял пшеничное пиво, а Лиза заказала вишневый сок.

— Ты не пьешь? — спросил я.

— Сегодня нет, — ответила она, пожав плечами. А потом добавила: — Обычно я заземляюсь алкоголем.

— Это как? — спросил я.

— Что-то не хочется рассказывать, — покачала она головой.

Мы сидели и молча пили свои напитки. Мне хотелось ее расспросить, но я никак не мог сообразить, с чего нужно начать. Не помню, чтобы мне приходилось говорить с кем-нибудь о подобных вещах, ну то есть о жизни, о смерти... Я всегда увиливал и мусолил это в одиночку, в своей голове.

— Послушай, я никому об этом не расскажу, и если ты не хочешь говорить о вчерашнем, — продолжаю я, — не надо. Я

только хотел помочь, понимаешь? У меня у самого не все так гладко, как кажется.

– Ну раз ты в этой дыре, то, полагаю, не все, – улыбнулась она довольно хитро, опять прищулив один глаз больше, чем другой, и это показало мне, что, может быть, все не так безнадёжно.

Вот описание Лизы. У нее вытянутый тонкий нос, словно у лисицы. И губы у нее такие... не пухлые, но слегка выдающиеся вперед. Талия тонкая (под курткой не видно), ноги чуть-чуть кривоваты, но длинные и все-таки красивые. Про каре я уже говорил и о светло-карих глазах тоже. В общем, симпатичная очень.

Она улыбнулась, и я почувствовал, что все налаживается. Люблю, когда все налаживается. Нет, в самом деле, я смакую эти моменты, вглядываюсь в них, просто играю с ними. Не каждому дано получать глубинное удовольствие от подобных вещей. Это еще одно мое достоинство, я могу найти удовольствие там, где другим и не снилось. У меня свой, так сказать, прииск, свой маленький Клондайк чувств. И это нельзя похитить.

– Лиза! – раздался голос у меня за спиной. – Привет!

К нашему столику подошел парень лет, думаю, двадцати трех от роду или что-то вроде того. Одет вполне по-городскому: длинное серое пальто, полосатый шарф повязан поверх воротника, кожаные перчатки...

– Привет, Ян, – спокойно, даже немного устало сказала

Лиза.

– Кто это с тобой? – кивнул он на меня. – Из города, что ли?

Лиза задумалась.

– Это наш жилец, – ответила она, – комнату у нас снимает.

Он сел за наш столик, пожал мне руку и, многозначительно кивая, довольно долго всматривался в мое лицо. Я даже недовольно прищурился и отвернулся. Стал смотреть в окно и пить большими глотками свое пшеничное пиво. Что за свинство, в конце концов, так разглядывать чужие лица?! Что у него в голове? Опилки?

– Лиз, а ты на встречу идешь? Там все будут. Даже кто в город перебрался.

– Не знаю пока, – отмахнулась от него Лиза.

– А чего так? Приходи, весело будет. Ты так ни разу и не пришла.

– Я подумаю, – ответила она. – Ладно, Ян, мне надо идти.

Она встала и пошла без меня, а ее, как я понял, бывший одноклассник так и не встал со своего стула. Он испортил нам разговор, сукин сын, и вызвал мое неудовольствие. Но этого ему было мало, он продолжил:

– Жилец, значит? – обратился он ко мне.

– Кто? – недопонял я.

– Комнату, значит, снимаешь? – продолжил он наступление.

– Ну да... типа того.

– Типа того, – медленно повторил он за мной, – так ты, значит, из города?

– Да, но, думаю, из другого... Какой город ты имеешь в виду? Это ведь... ну то есть где мы сейчас – это ведь тоже город?

– Это только называется городом, а на деле... – он пренебрежительно махнул рукой и скривил лицо в знак неодобрения. – Настоящий город там, – показал он, как мне показалось, в сторону уборной. – Там все есть!

– Ага, – кивнул я.

– Так откуда ты? – продолжил он свой допрос.

– Из Петербурга.

– О-о-о! Питер?! Да? «Зенит»! Раз, два, три, «Зенитушка», дави-и-и! – прокричал он довольно громко; мне стало неловко.

Позже я узнал, что это он только притворялся непробиваемым весельчаком.

– Лена, два пива, у нас тут гость из Питера, – крикнул он немолодой официантке. – За «Зенит»-то болеешь? – повернулся он ко мне.

– Да я как-то футбол не очень.

– О-о-о! Но «Зенит» ведь!

– Не знаю, не люблю футбол.

– А стадион построили? – сыпал он вопросами.

– Нет.

– Когда построят?

– Не знаю, никто не знает.

Он рассмеялся, а тем временем официантка принесла пиво и забрала мой пустой бокал.

– А зачем из Питера приезжать в эту жопу?

– Тут места красивые, лес, море недалеко... – остри я.

– А серьезно? – не унимался наглец.

Мне не хотелось рассказывать всю историю. Особенно ту часть, из которой следует, что я бываю весьма наивен... Я молчал и хмурил брови, пытаюсь решить, стоит ему наврать чего-нибудь или ответить по-честному.

– К родственникам я приехал в гости, – соврал я и тут же был пойман:

– А почему у них не остановился?

Шахматист из меня, как я с годами стал понимать, не самый способный.

– Слушай, Ян, – начал я с раздражением в голосе, но не знал, как продолжить.

Я отхлебнул пива и решил сказать правду, чтобы сэкономить душевные силы.

– Слушай, я на самом деле не к родственникам приехал, я приехал... – и рассказал ему всю историю с заводом.

Он смеялся, откидываясь назад так, что чуть не упал со стула. Он так смеялся, что даже не мог сделать ни единого глотка пива, хоть и пытался. Только разливал его по столу. После этой истории он посчитал, что мы с ним теперь друзья не разлей вода. Практически родные братья. Ну или по край-

ней мере двоюродные... Он часто похлопывал меня по плечу, рассказывал всякие байки. И рассказывал мне про Лизу... А я пытался определить, чему можно верить, а чему — нет.

На исходе четвертой кружки в кафе хлынула местная молодежь, желающая подкрепиться перед субботними плясками, а я поспешил ретироваться.

Так началось мое знакомство с Яном Мавриным.

* * *

Вот! Две недели прошло. Целых две недели я провел в этом городке. Хозяева косо поглядывают на меня, они не понимают, почему я не пытаюсь найти работу, почему брожу один в окрестностях или запираюсь в комнате на целый день. Разве может человек жить и не работать? Это наверняка подлец какой-нибудь, а не человек. Подозрительный тип! Совершенный подонок! От такого надо держать дочку подальше. Они мне не доверяют. Думаю, они вышвырнут меня по окончании месяца. Они же приличные люди (Глеб часто это повторяет). Им нельзя держать в доме всяких преступников. «Наверняка он в розыске, вот и прячется в деревнях!..» Да, я кое-что слышал. Соседи не дремлют! Они меня насквозь видят. Они-то сразу меня раскусили. А крики по ночам? Он кричит во сне? У него нечиста совесть! Вор и убийца!

Мне было неудобно, я чувствовал сверлящие спину взгля-

ды, я сам хотел обратиться отсюда. Но куда? В гостиницу, к клопам? За две тысячи за ночь? Я ведь все выяснил, старый говнюк Глеб в этом меня не обманул. Две тысячи за ночь! И это уже перебор.

Я произвел плохое впечатление, вряд ли кто-нибудь захочет сдать мне комнату в этой части города. Слишком я тихий в общении. А от тихони всегда жди беды. И поговорка на этот случай имеется. Ну вы, разумеется, все знаете: в тихом омуте, так сказать...

Ну а что касается Лизы, то я совершенно не знал, как с ней быть. Она почти не разговаривала, ходила на свою работу в салон сотовой связи, где ей, вероятно, все-таки приходится открывать рот. Думаю, это дается ей мучительно тяжело. Мне понятно это ощущение: иногда легче удавиться, чем выдавить из себя лишнее слово. Ах, но что-то в ней было... Думаю, все дело в загадке. Какой-то хитрец внутри моей головы пытается меня одурачить, он подстегивает воображение, рисует замечательные картины, связанные с ней, но все это может плохо кончиться. Получится настоящая трагедия, как у Шекспира. А ведь я, знаете ли, всегда предпочитал пьесы повеселее.

В сущности, я бы уже неделю назад съехал куда-нибудь – черт побери, да куда угодно! Просто и благополучно, – но этот странный образ у меня в голове... Лиза... она не дает мне покоя. Она меня просто игнорирует. Не замечает. Это второсортная древняя уловка, я не могу купиться на это, я

же не глупая камбала! И все-таки... я заглотил наживку. Не могу обманывать себя. Нелепость, одним словом. Мне казалось, что я не так глуп. Я уже сейчас вижу последствия, мое воображение не остается безучастно. Герман снова сдается. Конечно, это приятно, но только поначалу. Затем наступит расплата. Когда же я перестану призывать с небес несчастья на свою бедную голову?! Когда я наконец поумнею? Но! Я даю себе шанс: я решаю все-таки съехать. Ведь у меня недоброе предчувствие на ее счет.

После обеда я пошел в магазин и на выходе наткнулся на того, кто испортил мне разговор с Лизой в кафе «Серебряная ложечка», и это оказалось очень кстати: я попросил помочь мне с поиском жилья.

– Что случилось? – спросил Ян.

– Да ничего, просто мне нужна квартира.

– Видать, Кайновы тебя совсем замучили, – кивал он как будто бы понимающе.

– Кто?

– Те, у кого ты живешь.

– Ах, это? Не-ет, нет, – протянул я, – тут дело не в этом. Мне просто нужно свое пространство, больше места.

– Ладно, я посмотрю, что можно сделать. Тебе именно квартира нужна?

– Лучше бы небольшой дом.

– Да, – кивнул он, – это будет легче. Думаю, завтра уже сможешь въехать.

– О'кей, Ян, спасибо тебе!

– Да нет проблем, Герман, нет проблем, братишка, – улыбнулся он.

И все-таки слишком много фамильярности с его стороны.

* * *

Следующим вечером я сообщил Кайновым, что все было хорошо и замечательно, но пора бы и честь знать. Мне подыскиали дом в другой части города, и завтра я – того, съезжаю.

Глеб даже не поднял глаз от газеты, а Татьяна, хоть и пыталась изобразить на лице жалость, все же вздохнула с облегчением. Они в самом деле чувствовали себя беспокойно – как и я, впрочем, – пока я находился в их доме. Теперь они могут быть спокойны за дочь. Безработный проходимец не побеспокоит их более. И это не мое больное воображение, я слышал больше, чем они думают. Стены в этом доме ужасающе тонкие, а слух у меня – как у кота.

Вот по кому я буду скучать, так это по кошке. Она уже порядком привыкла ко мне, мурчит на коленях, греет меня своей теплой шубкой. На нее здесь никто не обращает внимания, поздно вечером она скребется в мою дверь, и я впускаю ее. Она всегда ложится мне на грудь или на ноги. Это мешает мне заснуть, но я не жалеюсь, я и так вряд ли бы смог заснуть сразу. Не мой конек.

Чуть позже пришел Ян и сказал, что все готово. Можно переезжать! Хоть прямо сейчас. К чертовой бабушке этих кретинов Кайновых. Они здесь что, одни-единственные хозяева?! Тьфу на них, говорил Ян.

– Только вот что, – начал он как будто бы с опаской, – это мой собственный дом. То есть я тебе сдаю большую комнату на втором этаже, она там всего одна и есть, а сам живу на первом. По рукам?

Тут я немного насторожился. Все-таки мне нужно свое пространство, без посторонних.

– Ладно, расслабься, Герман, – продолжал он, – я не напряжный. Это всяко лучше, чем здесь, – он оглядел мою комнатушку и неодобрительно покачал головой.

– Не знаю, – ответил я, – а целого дома нет?

– Не-а, тут все одна дрянь, понимаешь? А у меня дом – что надо! Там все есть. И главное, за ту же цену! Комната почти в целый этаж, в четыре раза больше этой вот. Ты это, подумай. Я тебе по-дружески. Так-то мне все равно. В общем, думай. Звони, если решишь, – он похлопал меня по плечу и ушел.

Я лег на кровать и стал читать книгу, как всегда делаю, когда надо что-нибудь срочно решить. Просто не могу взять себя в руки...

Из гостиной вдруг послышались крики. Я вышел посмотреть, что там стряслось, и увидел, как Глеб гоняется по дому за кошкой. Он был взбешен, он хотел прибить бедное животное, он бы ее не пожалел.

– Что случилось? – тихо спросил я у Татьяны.

– Она опрокинула чашку с чаем ему на колени.

– Слушайте, – занервничал я, глядя, как кошка остановилась и, шипя, стала пятиться от Глеба в угол, где стоял телевизор, – слушайте, может, лучше я ее с собой заберу?

– Забирай, забирай, ради бога, забирай ее, – торопливо прошептала Татьяна.

Я подошел к Глебу и позвал его по имени, но он не обратил на меня внимания. Я попробовал позвать еще раз, но нет – он готовился к прыжку, словно какой-нибудь хищный зверь.

– Глеб, Глеб, – повторял я, – давайте я заберу кошку с собой, раз такое дело, – но он не слышал меня.

Тогда я осторожно прикоснулся к его плечу. Я был напряжен: от него можно было ждать чего угодно, тут на столе полно острых предметов. В таком состоянии он мог родное дитя проткнуть вилкой ради, фигурально выражаясь, попутного ветра. Похоже, он до глубины души верил в свое право на месть, а «праведный гнев» – штука серьезная. К тому же Глеб был силен, несмотря на возраст и изможденный вид. Я видел, как он перетаскивал бревна во дворе. Мышцы – как сталь. Тупой и сильный – эта комбинация была мне не по вкусу. И еще: он, как истинный псевдопатриот, давно почувял, что я презираю практически все, что он любит, и что я – не патриот. А вот этого он простить не мог. Он хотел доказать свою любовь к родине самым верным способом – убий-

ством. Я это знал по его ежевечерним двухминуткам ненависти, которым он предавался с творческим вдохновением. Он разговаривал с телевизором и ждал своего часа. Расстраивался, что слишком стар для войны. Что ж, он всегда может устроить маленькое сражение в своем же собственном доме, что он, похоже, и решил сделать. Повод нашелся, и я уже как бы выступил на стороне врага.

– Глеб, – обратился я к нему снова, – Глеб, вы оставьте, пожалуйста, кошку, я ее заберу. Она больше не будет вам досаждать.

– Ага! – взревел он. – Вот что ты задумал?! Кошку хочешь у меня забрать? Может, и дочь тебе отдать? Ее захотел? А? Каков умник нашелся! Это моя кошка, и я ее собственноручно придушу! А ты, – взревел он, – ты-ы – прочь из моего дома! Прочь, жулик безработный! Наркоман! Прочь, ловелас! Иезуит! Предатель! Фашист!.. Прочь, пока цел! – дрожащим указательным пальцем он тыкал в сторону двери. – Ну! Даю тебе три минуты!..

Еще недавно я бы наверняка завелся от его крика, но теперь, когда я намеренно вырабатывал новые привычки, я спокойно слушал его срывающийся то на писк, то на рычание голос. Я чувствовал, как он надывается, но не воспринимал его агрессии. Конечно, я был напряжен, понимая, что всякое может случиться, но я мыслил здраво и даже – где-то на задворках сознания – ощущал гордость за свою благородную, новоприобретенную сдержанность. Я схватил кошку и неве-

роятно широкими шагами пошел в комнату. Закрыв дверь на щеколду, я стал собирать вещи. Глеб продолжал бушевать в гостиной, кричал что-то про Америку и пятую колонну, но в мою комнату, похоже, не решался сунуться. Несмотря на всю свою злобу и хорошую физическую форму, в душе он был трусом. Я это вдруг ясно почувствовал и поэтому был относительно спокоен. Трус не нападет, если понимает, что результат может быть не в его пользу, а он, хоть и был недоумком, все-таки смутно понимал, что я не такая уж размазня.

Через пять минут я в своих осенних ботинках вывалил на улицу. И уже довольно далеко, уже у самого фонарного столба, что возле дома участкового, я наконец сообразил, что не знаю, где живет этот самый Ян. Блять!

Возвращаться мне не хотелось. Я, конечно, понимал, что совесть моя чиста, что я поступил единственно верно, но все-таки... мое бегство выглядело – для моего внутреннего прокурора – как будто я виноват и меня преследуют. Я бросил на снег чемодан и, усевшись на него, закурил сигарету, стал гладить кошку, которая порывалась сбежать от меня, когда я переставал ее прижимать к груди и гладить. Вокруг была словно глубокая ночь, хоть часы и показывали десятый час. Никого в округе не было, тишина, даже ветер стих. Какой-то зимний вакуум. Говорят, через неделю стоит ждать потепления. Апрель ведь на дворе как-никак.

Докурив, я с неохотой поплелся назад, держа в одной ру-

ке свой красный идиотский чемодан, а другой прижимая к груди пушистую зачинщицу. Осторожно, чтобы не скрипела, открыл калитку и потихоньку зашел в дом. В гостиной никого не было, но я слышал голоса в хозяйской спальне. Кажется, Глеб не то рыдал, не то истерично причитал. Я подошел к Лизиной комнате и тихонько постучал. Сперва никто не ответил. Из щели под дверью вырывался свет, и поэтому я был уверен, что она дома.

– Лиза, – сказал я негромко, – Лиза, это Герман, открой, пожалуйста. Мне нужно узнать телефон Яна.

Она опять не ответила. Меня начало это раздражать, в любой момент мог выскочить Глеб и подумать, что его бредовые домыслы верны. Его может попросту переключить. Он даром что трус, а в таком состоянии не менее опасен, чем первый смельчак. Думаю, в таком состоянии трус будет даже опаснее. Мнимая опасность не знает границ. Раз я вернулся, – значит, враги послали меня прикончить последнего истинного патриота и защитника родины. У него же просто нет выбора, он просто обязан меня обезвредить! Ради родины и семьи!

В двери щелкнул замок, и я от неожиданности слегка вздрогнул плечами и чуть не уронил кошку, которая все порывалась спрыгнуть с моих рук. Я чувствовал себя воришкой, пробравшимся в дом к спящим хозяевам.

– Ты уезжаешь домой? – спросила Лиза сквозь щель в приоткрытой двери. Я ее толком-то и не видел.

– Нет, не домой. Слушай, мне нужен телефон Яна, – говорил я негромко, стоя на пороге ее комнаты, – я к нему переезжаю.

– Минуту, – сказала она и закрыла дверь прямо у меня перед носом.

Я стоял и поглядывал на дверь у дальней стены, откуда доносился голос Глеба, проклинавшего все на свете и, разумеется, в первую очередь меня.

«И почему я вечно оказываюсь среди всяких психопатов? – спросил я себя тогда. – Целый город! Подумать только, ведь тут, должно быть, тысяч двадцать живет, а я оказался в этой безумной берлоге».

– Щенок! Предатель! Убийца! Братоубийца! Он братоубийца! – слышал я голос Глеба, приглушенный, словно бы он кричал в подушку.

Через минуту Лиза открыла дверь – она была в плотном шерстяном кардигане поверх ночной рубашки – и протянула мне свой телефон, где на экране светился номер Яна. Я быстренько переписал его и вернул телефон.

– Слушай, если хочешь, можешь пойти со мной, – сказал я.

В этот момент я уже не помнил, что уходил и от нее тоже.

– Не знаю... – ответила Лиза.

– Слушай, чего тебе тут делать? Извини, но твой отец настоящий психопат!

– Глеб мне не отец, – расширились ее глаза.

– Тем более.

– Ну хорошо, подожди, – сказала она и закрыла дверь. А через минуту открыла:

– Зайди, – сказала она и слегка потянула меня за рукав куртки.

В комнате было тепло и пахло благовониями. Кажется, что-то индийское, пряное. В голове сразу же мелькнул образ.... что-то из индийских гор, где я провел некоторое время. На комод лежали всякие штучки: косметика, парфюм, расчески, какие-то таблетки, табак в упаковке, бумага для самокруток... Все было разбросано как попало. Поверх обоев были приколоты разные картинки, рисунки, значки – все вперемешку. На одной стене они почти полностью закрывали обои. Висели они небрежно: одни картинки налезали на другие. Словно стена с уликами из фильма о копах, которые ищут серийного убийцу. Это были цветастые мандалы и индуистские божества, увешанные бусами из черепов, карандашные портреты и фотографии писателей, поэтов, философов... Я водил глазами по этим лицам и узнавал лишь немногих. Из тех, что я узнал, тут были: Лотреамон с демоническими зрачками, задумчивый Ницше, Карл Юнг с хитрейшим прищуром, Жорж Батай со взглядом юродивого... И тут был Йозеф Геббельс. Вот это меня заинтересовало. Геббельс! Но я решил пока не спрашивать, что это для нее значит.

– Ты хорошо рисуешь, – сказал я.

– Эм-м... – пожала она плечами.

Я сел на стул, на спинке которого висели ее ночная рубашка и кардиган; пока я был за дверью, она успела натянуть джинсы и фланелевую рубашку в черно-белую клетку.

– Тебе же есть восемнадцать? – спросил я и ужаснулся своему вопросу.

Она остановилась, перестала собирать свой походный рюкзак и пристально посмотрела на меня. Я отвел взгляд и улыбнулся.

– В чем дело? – спросила она неожиданно строго. Мне уже не верилось, что я порядком старше.

– В каком смысле? – спросил я.

– Почему тебя интересует мой возраст? – она насторожилась; кажется, я потерял ее доверие.

– Да не знаю... Ничего такого. Просто мы же вместе сваливаем. Это могло бы выглядеть как похищение или что-то в этом роде, если тебе нет восемнадцати.

Она засмеялась... грубовато и даже зловеще, что ли.

– По паспорту мне двадцать три. Ну ты и трусишка, Герман! Не ожидала.

Я улыбнулся максимально мило. Когда-то давно я заметил за собой этот тип улыбки, он меня часто выручает. Я мог бы стать каким-нибудь проходимцем... ну, альфонсом там, не будь у меня исковеркана психика. Что-то во мне есть такое. Иногда проявляется.

Кошка тем временем забралась на кровать и стала наблю-

дать за рюкзаком, который все больше наполнялся вещами. Постепенно в него влезло почти все, что было на комодке, в нем утонули ноутбук и фен.

Лиза застегнула рюкзак и попыталась закинуть его на плечо. Он оказался слишком тяжелым, и мне пришлось взвалить его на себя.

Мы вышли на улицу. Луна сегодня была не такая яркая, как последнее время. Тучи застилали звезды, было чертовски темно и тихо. Когда луна пропала в одной из туч, я достал телефон и стал светить нам под ноги. За спиной у меня криво висел плохо собранный Лизин рюкзак, а мой чемодан бил меня по ноге. Было неудобно и холодно.

Лиза несла под курткой кошку, у которой смешно торчала голова и вибриссы. Эта ошалевшая дурында ничего не сообщала. Ее же могли удавить без суда и следствия. Это, верно, так бы и произошло, если бы не такое благоприятное – с этим уже не поспоришь – стечение обстоятельств, как мое существование. Подумать только, да ведь я уже и забыл, что именно так было и с Лизой...

Мы плелись в ночь, в какой-то дом, вероятно, на такой же окраине, но только в другой части города. С каждым шагом мне становилось все лучше и лучше. Затхлость проклятого дома Кайновых незаметно просочилась в мой разум, и я только сейчас начал осознавать, насколько несвободным ощущал себя эти две недели. Я шагу боялся ступить – это неприятно признавать, но это так. Я слишком пекся о том,

чтобы никому не мешать, а меня все равно смешали с грязью. Можно совершенно ничего не делать – никого не трогать, ни во что не ввязываться, возлюбить ближнего своего – и тем не менее остаться в дураках. Что-то здесь не так. Неужели мир настолько несправедлив?!

* * *

Ян сразу обрадовался нам, а когда сообразил, что Лиза тоже остается, его глаза засверкали от восторга. Он выделил ей отдельную комнату на первом этаже, рядом со своей, и был невероятно внимателен, так обходителен, любезен. Сразу побежал на кухню, открыл бутылку красного и бутылку белого, какие-то рыбные консервы... Достал бокалы из семейного сервиза, нарезал сыр, положил маслины на белое блюдечко... В общем, он очень старался и, разумеется, не ради меня. Тут все было ясно.

В гостиной шумел телик, показывали «Бойцовую рыбку». И я сразу залип. Много лет у меня нет телевизора, и он всякий раз завораживал меня, когда я бывал – что случалось нечасто – у кого-нибудь дома, особенно если в комнате полумрак, как здесь.

Я уселся на диван, который стоял прямо посередине большой гостиной с печкой по типу камина. Оранжевый торшер горел в углу возле телевизора. Люстры здесь не было.

Ян с Лизой были на кухне, о чем-то разговаривали, сме-

ялись. Мне вдруг стало обидно. Это мелкое чувство травмило меня по пустякам, и я уже тогда понимал всю его гнусность. Кажется, я говорил себе: «Может быть, она пошла не со мной, может быть, она пошла к Яну, было бы глупо вмешиваться...» Так что я взял себя в руки и стал осматривать комнату.

На столике возле дивана я увидел несколько бутылок пива и, недолго думая, схватил одну и тут же открыл. Пара глотков, и мне стало лучше. Дешевое кислое пиво обжигало мне глотку, но этого-то я и хотел. Хотел переключить внимание на что-нибудь... ну хотя бы на свое тело, на его ощущения. Я сполз спиной по дивану так, что моя костлявая задница оказалась на самом краю, стал глотать пиво большими глотками и смотреть в экран.

– Герман, – крикнул с кухни Ян, – ты чего там? Иди к нам!

Я допил пиво и пошел на кухню. Там было очень светло, почти жарко и слегка тесновато из-за большого количества бесполезной кухонной мебели. Если бы у меня был свой дом, я бы не держал там почти никакой мебели. Только необходимый минимум.

Лиза сидела в кресле-качалке с бокалом белого в руке, а Ян суетился у плиты. На одной сковороде он жарил пельмени, а на другой – рис с овощами.

– Дайте мне вина, – сказал я устало и, кажется, даже развязно; наверное, мне здесь все-таки легче дышится, вот я и расслабился.

– Наливай, – протянул он мне бутылку и бокал.

Вино было как вино. То есть оно мне вполне подходило. И я быстро выпил первый бокал и налил второй, сел на табуретку с противоположного от Лизы конца стола и какое-то время бессмысленно, бездумно смотрел, как жарятся пельмени. Лиза, укрывшись тонким шерстяным пледом, смотрела в окно и о чем-то думала. Мысленно я спросил ее: «Что же с тобой произошло? Ты не похожа на человека, который устал от жизни».

* * *

Мы сидели на диване и пили вино уже из горла. Ян быстро нахлебался и, что-то там бормоча, пошел спать. Лиза закинула голые ступни на придиванный столик и с нежной улыбкой читала «Так говорил Заратустра». Это, как я узнал позже, была ее любимая книга.

Мы сидели молча, я смотрел по сторонам и не знал, чем себя занять. Лиза закатала рукава шерстяного свитера, и я увидел у нее на руке, на внутренней стороне предплечья, татуировку в виде чего-то вроде мандалы. Украдкой я разглядывал ее. Но вот она замечает мой интерес, откладывает книгу и смотрит на меня со своим прищуром.

– Ну спрашивай, если хочешь, – сказала она.

– Это мандала?

– Да, – кивнула она.

– Ты бы хотела попутешествовать по Индии? – спросил я.
Мне показалась, что это может заинтересовать ее.

– Я уже, – ответила она.

У меня участился пульс, точка соприкосновения была как будто бы найдена.

– И как тебе?

– Понимаешь, я брахмачари и часто беру тапасью, – сказала Лиза.

Тут я немного напрягся. Просто ни черта не понял, что она сказала.

– Хм... – закивал я с якобы понимающим выражением лица.

– Скептик?

– Ага, – засмеялся я. – И даже книгу об Индии написал. На сто процентов скептический взгляд. Ну то есть книга не то чтобы о самой Индии, а скорее о людях, которые едут туда за «просветлением»... – изобразил я кавычки. – В общем, ничего загадочного я в ней не разглядел. Увидел лишь горы мусора и лживое местное население. Я постоянно повторял себе: «Как можно учиться у людей, которые довели свою страну до такого состояния? Ну или позволили довести...»

– Понятно, – сказала она, – ты все проглядел. Конечно, большая часть местных давно продана западному миру. Индуизм тотально проституирован. Но есть там и другие вещи... если сумеешь их отыскать. Ты был... ну хотя бы в ашраме?

– Нет, нет, мне все это смешно было. Я часто встречал людей из ашрамов. Глаза «просветленных»! Я называл их коровьими глазам.

Она засмеялась:

– Да, да, что-то такое есть. Со стороны это выглядит забавно, но ведь они счастливы. Не в твоём понимании, разумеется, но они счастливы. А ты – нет.

– Может, они попросту обманывают себя? Бегут от жестокой реальности? Откуда ты знаешь, что они счастливы?

– Ты что, забыл? Я брахмачари, – улыбнулась она.

Пару минут спустя я набрался смелости спросить:

– Почему тогда ты пыталась повеситься?

– Ге-е-ерман, – протянула она снисходительно, – это все не так просто. Ты когда-нибудь хотел убить себя?

– Часто об этом думаю, но... как бы... не по-настоящему. Не было еще момента, чтобы я стал скручивать петлю или искать лезвие.

– Это все из разума... А еще есть чувства, есть что-то, идущее из глубины. Понимаешь? – говорит она.

– Хм... понимаю, – сказал я с неуверенностью.

– Думаю, ты не понимаешь. Это непреодолимое желание, это не касается разума, просто потребность побыть на краю. Это чувство... оно приходит без истерик и без мрачных мыслей. И тогда тебе необходимо отдаться хаосу, побыть в пограничном состоянии, возможно, даже уничтожить себя окончательно. В тот день эта потребность дошла до пи-

ка, и мне хотелось уйти... Но я рада, что этого не случилось. Думаю, еще не время...

Она немного помолчала, а затем добавила:

– В общем-то, это случается не так часто. Ну а то, о чем говоришь ты, – это обычные забавы подростков.

– Но откуда у тебя эта потребность?

– Это, видимо, наследственное. У мамы было что-то похожее. Я не знаю ее диагноза. В девятом классе мне поставили F25. Но в последние годы все сильно изменилось, тогда я была, считай, здорова. Сейчас в этом смысле все много хуже.

– Что значит F25?

– Шизоаффективное расстройство.

– И как это работает? Ну то есть как проявляется, помимо суицидальной... хм... потребности?

– Галлюцинации: зрительные, слуховые... Видения... Мне говорят, что я должна делать, и я делаю, иногда получается забраться в высшие сферы, откуда приходится падать назад, в этот грязный мир... Это изматывает.

Тут у меня расширились глаза: я никогда не встречал людей, с которыми можно было обсудить подобные вещи.

– Эй, – улыбнулась она, – не все так плохо, это только периодами.

– Ты снова попытаешься убить себя?

– Вероятно, что да.

– Я хочу тебе помочь, – сказал я взволнованным голосом.

– Чем?

– У меня у самого часто бывают галлюцинации. Может, мы вместе найдем выход. Как насчет лекарств? Какие-нибудь лекарства ты принимала? – сказал я с энтузиазмом.

– В ПНД меня колют периодически, но от лечения становится только хуже. Глеб это знает и сдает меня при любом удобном случае. Хочет извести, не верит, что я смогу уйти... Поэтому я и не хотела, чтобы кто-нибудь узнал, что я снова пыталась...

– ПНД – это что-то вроде клиники?

– Психоневрологический диспансер.

– А... Я понял, я просто не знал этой аббревиатуры, а ведь у меня там мать два раза в год отдыхает.

– У тебя тоже наследственное? – удивилась она.

– Нет, не думаю, у нее все банально – *Delirium tremens*, – сказал я как бы со знанием дела. В общем, обычный мой дешевый понт.

– Трясущееся помрачение... так-так, это же белая горячка, – закивала Лиза, а я удивился, что она поняла, о чем я.

– Как ты узнала перевод?

– Я на лингвиста учусь на заочке. И вообще интересуюсь языками. Сейчас вот учу немецкий. Произношение проверяю по речам Геббельса.

– Ух ты! Вот почему ты нарисовала Геббельса?

– Я люблю его, – ответила она. – Он приходит ко мне на чай.

Тут я немного напрягся. В каком смысле любит? Она же

должна понимать, что это всего лишь галлюцинация?

– И семья у него классная, – продолжает она, – старшая дочка просто умница, я читала ее письма. Она такая молодец! А он просто прекрасен, о нем написано много лжи... Ты читал его роман «Михаэль»?

– Нет, когда-то я собирался, но потом книга пропала из магазинов.

– Я дам тебе почитать, когда съезжу за своими вещами. С Глебом я больше жить не собираюсь.

Мне было непонятно ее отношение к Геббельсу. Любить мертвого нациста! Что это значит?! А еще было непонятно, действительно ли она верит в индуистских богов. Она ведь говорила о своей любви к Вишну, о своем родстве с Кали... Ну то есть она воспринимает это не как аллегория?

Скептик внутри меня пытался разразиться злорадным смехом, но что-то более глубокое усыпляло скептика. Я вдруг подумал: «А чего я теряю? Может, попытаться выключить критическое мышление в отношении Лизы... ну, скажем, на неделю. А? Что тогда? Я не буду делать никаких категоричных умозаключений, не буду раскладывать все по полочкам, вешать ярлыки. Буду оставлять все вопросы открытыми, не буду судить ни о чем строго. Она может делать все, что угодно, а я не буду оценивать ее».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.